

К 100-летию со дня рождения А. М. Горького

ВСТРЕЧА НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

КУКРЫНИКСЫ: В МИРЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

ОТМЕЧАЯ ПАМЯТНУЮ ДАТУ...

ЮБИЛЕЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПЕРВЫЙ съезд советских писателей явился большим общественным событием. Помню, всюду — в трамваях, на улицах — можно было слышать разговоры о съезде, о литературе, о советских писателях. Всех интересовал предстоящий доклад Максима Горького.

Пропусков и билетов на съезд было много, но, конечно, если бы Колонный зал был в сотни раз больше, все равно он не вместил бы всех желающих. У меня был билет в ложу прессы.

Алексей Максимович вышел на трибуну. Поднял брови, он оглядел зал, улыбнулся, покачал головой, выждал минуту... Делегаты продолжали приветствовать его... Он нахмурился, по-деловому заглянул в лежащие перед ним заметки...

Наконец, тишина... Горький начал доклад.

Художники на портретах обычно придают Алексею Максимовичу какие-то особые «выразительные черты» — подчеркивают и углубляют складки на лбу, подбавляют волос. Но, насколько я помню, в действительности «лепка» лица Алексея Максимовича была иной. Лицо было изборождено столь резкими морщинами, игра его была очень тонкой — оно не выражало ссоры, озабоченности, но вдумчивую мысль, то вдруг что-то очень живое, острое, почти по-детски озорное вспыхивало в глубине его глаз, в улыбке...

С Алексеем Максимовичем познакомил меня Демьян Бедный.

Редакция украинской газеты поручила мне написать очерк о ком-нибудь из делегатов съезда. Но на съезде было так много замечательных людей, что я не знала, на ком остановиться. Я обратилась за советом к Горькому. На другой день Алексей Максимович сам пришел в ложу прессы.

— Вот глядите-ка туда! — указал он глазами на невысокую пожилую женщину в белой косынке. — Познакомьтесь: интересный человек, замечательный. А когда напишете, дайте-ка прочитать.

В тот же день я познакомилась с Агриппиной Гавриловной Кореановой. Жизнь Агриппины Гавриловны Кореановой действительно была необычайной. Грузинка с речной пристани, почти неграмотная, она написала книгу, в основу которой положила историю своей жизни. И вот теперь Агриппина Кореанова — делегат съезда советских писателей.

Когда очерк был готов, я показала его Алексею Максимовичу. — Завтра в перерыве зайдите сюда. Постараюсь к завтрашнему дню прочесть, — сказал он. — В редакции-то, наверно, ждут?

Маргарита СЕНГАЛЕВИЧ

ПИСАТЕЛЬНИЦА МАРГАРИТА ЯКОВЛЕНА СЕНГАЛЕВИЧ В КАЧЕСТВЕ КОРРЕСПОНДЕНТА ОДНОЙ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УКРАИНСКИХ ГАЗЕТ ПРИСУТСТВОВАЛА НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ГДЕ ПОЗНАКОМИЛАСЬ С А. М. ГОРЬКИМ.

С понятным волнением и тревогой ждала я следующего дня, встречи с Алексеем Максимовичем, я уже заранее представляла себе, как он раскритикует мое произведение... Алексей Максимович заметил мое волнение и сразу же начал:

— Очерк посылайте, а то в редакции, наверно, заждались.

Эти слова успокоили меня. — Я там сделал пометки, — сказал Алексей Максимович, возвращая мне рукопись. — Побеседовать сейчас нет времени, а хотелось бы, — прибавил он.

Я поспешила домой и перечитала очерк. Он начинался с описания тяжелого, безрадостного детства Кореановой, затем в хронологическом порядке рассказывалась история ее жизни. По этому поводу Алексей Максимович сделал следующие замечания на полях:

«Думаю, лучше показать Кореанову сразу на трибуне съезда, — это привлечет внимание читателя. Еще недавно неграмотная крестьянка, теперь писательница на трибуне Всесоюзного съезда советских писателей. Это важно, значи-

тельно и характерно для нас!»

Напротив того места в очерке, где рассказывалось, что Кореанова любила слушать волжские песни, оказавшие на нее большое влияние, Алексей Максимович написал на полях: «Хорошо!»

Там, где говорилось, что Кореанова вступила в ряды Коммунистической партии, Алексей Максимович сделал пометку:

«Уточните, когда Кореанова вступила в Коммунистическую партию — это

писать статью. В ней Мартин Андерсен Нексе с большой любовью и признательностью говорил о Советском Союзе.

Разговаривая с Нексе, я вспомнила слова Алексея Максимовича. В глазах Красного Мартина действительно ясная и чистая душа. С большим интересом расспрашивал Нексе об украинских писателях, о нашей литературе...

Вскоре после съезда я вновь побывала в Москве и снова увиделась с Горьким.

ла, что предо мной друг, готовый помочь и посоветовать...

Робость моя прошла, и я рассказала случай из своего детства, как квартирная хозяйка окатила водой моего любимого котенка, чтобы «квартирный котенок» в ногах не путался. Была я тогда «студенческим дитем» и впервые почувствовала, что такое несправедливость.

— А вы попробовали бы написать об этом? Хозяйка, «студенческое дите» и котенок. Попробовали бы, а? — сказал Горький. — Тя-

жело это дело — впервые почувствовать, что такое несправедливость, каждому из нас пришлось это пережить. Каждому по-своему... Вот и напишите про «студенческое дите». Надо, чтоб наша молодежь знала прошлое, тогда еще ярче почувствует она настоящее.

— Сколько вам было в октябре 1917 года? — спросил Алексей Максимович.

— Шестнадцать...

— Замечательная была юность у этого поколения, — произнес Алексей Максимович.

Я сказала, что самым ярким впечатлением моей юности была для меня встреча с Лениным.

— Вы были на III съезде комсомола? — живо спросил Алексей Максимович.

— Нет, я слышала доклад Ленина на IV съезде Коминтерна.

Горький спросил, как выглядел Владимир Ильич во время доклада.

— У Владимира Ильича была удивительная способность к языкам, — сказал Алексей Максимович. — Помню, как на Капри перебрался на Словенскими языками, и так у него это легко, свободно получалось, будто сродни были ему и люди, и

язык. Немецкий язык Владимир Ильич знал великолепно, но сделать такой обширный доклад на неродном языке требует большого напряжения, а он ведь был уже болен, болен...

На глазах у Алексея Максимовича блеснули слезы, он прикрыл глаза ладонью. Потом произнес тихо, словно самому себе:

— Удивительное это чувство — вот знаете, что Ленин ушел от нас, а чувствуешь его, словно живого, с нами, — столько было в нем силы, неисчерпаемой

всего Копюбинском. В его словах была печаль о близком друге, о большом таланте, что угас так рано, забота о братской литературе дорогого его сердцу украинского народа...

— Как работает сейчас ваша молодежь? — спросил Алексей Максимович.

Я сказала, что большинство молодых украинцев писателей связано с газетой, многие часто бьются на стройках, на заводах, в колхозах, руководят литературными кружками на предприятиях.

— Хорошо Молодые! — похвалил Алексей Максимович. — И газеты не чураются, це добре!

Горький спросил, что я пишу, что уже написала.

Я сказала, что вышло несколько сборников моих рассказов и очерков, что как очеркист я побывала в Криворожье, в Донбассе, на Днепрострое.

— Когда вы были на Днепрострое? — спросил Алексей Максимович.

— Летом и осенью 1932 года на строительстве и в октябре 1932 года на открытии Днепрогэса...

— И теперь жалею, что не смог побывать на открытии Днепрогэса, — сказал Алексей Максимович. — Вот это действительно праздник человеческого труда!

Алексей Максимович снова заговорил о молодых, начинающих писателях.

— Хорошо, что ваша молодежь много путешествует, видит, наблюдает, — движение для писателя полезно, очень полезно... Движение... Вот, помните, у Шуберта песня «В дороге». Хорошая вещь, иной пятиактной оперы стоит...

Много новых, интересных мыслей возникло после беседы с Горьким. Алексей Максимович поспрашивал своими зоркими глазами, задавал ему вопросы, чтобы раскрыть, углубить, что за человек перед ним. То мягкий, ободряющий, то требовательный и строгий, он удивительно умел помочь, дать нужный совет. Узнавая человека, Алексей Максимович надеялся его частичке своего богатства мысли, чувства и таланта.

В Казани состоялась XVII научная горьковская конференция, посвященная столетию со дня рождения писателя. Город юности А. М. Горького и его «университетов», город, который писатель назвал своей духовной родиной, открыл горьковский юбилейный год первой научной сессией страны. В ее работе приняли участие горьковеды Москвы, Горького, Куйбышева, Казани.

Открыл конференцию директор Института языка, литературы и истории АН СССР профессор М. К. Мухарямов. С докладом «Горький и современность» выступил доктор филологических наук Б. А. Бялик. Горький и татарская литература, Горький и печать, казанский период жизни великого пролетарского писателя — вот основные темы докладов ученых и литературоведов.

Писатели Г. Минский и С. Адамова поделились воспоминаниями об Алексее Максимовиче. Секретарь Всесоюзного юбилейного комитета по проведению столетия А. М. Горького А. А. Тарасова сообщила о широко развернувшейся по всей стране подготовке к славному юбилею.

Широко и торжественно готовится отметить общественность Таджикистана 100-летие со дня рождения А. М. Горького.

Республиканский юбилейный комитет, в состав которого входят государственные и общественные деятели, поэты и писатели, представител творческой интеллигенции, уже начал осуществлять обширную программу Горьковских дней. Издательство «Ирфон» стало в печать последние листы юбилейного пятитомника избранных сочинений писателя на таджикском языке. Редакция журнала «Садон Шарк» готовят номер в который войдут новые переводы рассказов Горького, его статьи и высказывания по проблемам развития национальных культур.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Встречи эти навсегда хранились в моей памяти. День был ясный, солнечный. Когда я вошла в комнату, Алексей Максимович сидел за столом. Он поднял голову, встал и пошел мне навстречу. Дружески поздоровавшись, усадил меня против себя.

«О чем говорить с Алексеем Максимовичем, с чего начать, будет ли ему интересно беседовать со мной?» — подумала я.

Горький пристально взглянул на меня. В эту секунду по столу мелькнул пестрый солнечный зайчик. Алексей Максимович вдруг поднял брови.

— Глядите-ка, какой проворный солнечный зайчик, а?! — произнес он, улыбаясь. — Почему именно зайчик, а?! Народное слово не называет. Верно, трус этот солнечный зайчик? — Алексей Максимович покачал головой.

— Ну да, трус... Видите, как пробежал по столу? Испугался. В-а-о не испугался, а вот меня, такого длинного, лохматого, испугался и бросился наутек.

Я невольно рассмеялась — так ярко представил Алексей Максимович этого солнечного зайчика. И вдруг мне стало стыдно своей робости. Ведь я зна-

ла, что предо мной друг, готовый помочь и посоветовать...

Робость моя прошла, и я рассказала случай из своего детства, как квартирная хозяйка окатила водой моего любимого котенка, чтобы «квартирный котенок» в ногах не путался. Была я тогда «студенческим дитем» и впервые почувствовала, что такое несправедливость.

— А вы попробовали бы написать об этом? Хозяйка, «студенческое дите» и котенок. Попробовали бы, а? — сказал Горький. — Тя-

жело это дело — впервые почувствовать, что такое несправедливость, каждому из нас пришлось это пережить. Каждому по-своему... Вот и напишите про «студенческое дите». Надо, чтоб наша молодежь знала прошлое, тогда еще ярче почувствует она настоящее.

— Сколько вам было в октябре 1917 года? — спросил Алексей Максимович.

— Шестнадцать...

— Замечательная была юность у этого поколения, — произнес Алексей Максимович.

Я сказала, что самым ярким впечатлением моей юности была для меня встреча с Лениным.

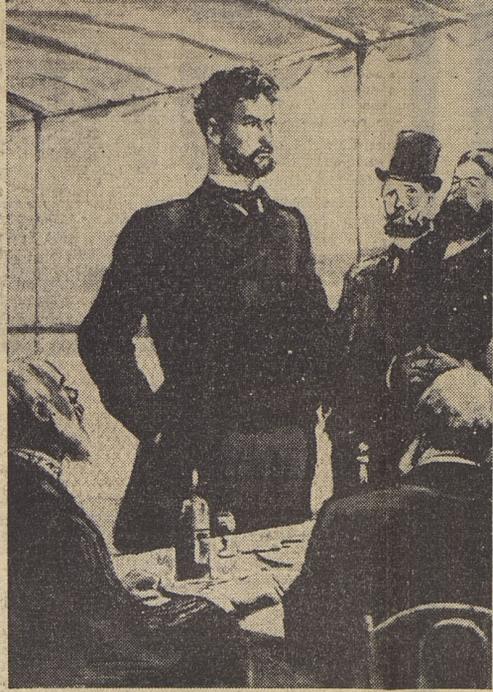
— Вы были на III съезде комсомола? — живо спросил Алексей Максимович.

— Нет, я слышала доклад Ленина на IV съезде Коминтерна.

Горький спросил, как выглядел Владимир Ильич во время доклада.

— У Владимира Ильича была удивительная способность к языкам, — сказал Алексей Максимович. — Помню, как на Капри перебрался на Словенскими языками, и так у него это легко, свободно получалось, будто сродни были ему и люди, и

ОСТАЛОСЬ В СЕРДЦЕ НАВСЕГДА

Иллюстрации художников Кукрыниксов к произведениям М. Горького. Слева направо: обложка книги «Мать», две иллюстрации к «Фоме Гордееву», внизу — к «Жизни Клима Самгина».

В АВГУСТЕ 1931 года тогда еще совсем молодые художники Кукрыниксы впервые встретились с Горьким. Алексей Максимович пригласил их к себе на Малу Никитскую, познакомился с работами, долго беседовал. Подарил довольно большую библиотеку, состоявшую из книг по истории мировой литературы и комплектов сатирических журналов. Посоветовал организовать персональную выставку.

Выставка эта открылась спустя несколько месяцев в клубе писателей на улице Воровского. Каталог ее начинался предисловием, специально написанным Горьким.

«Не знаю, существовала ли, и не думаю, что в области карикатуры могла существовать такая «единодушная и нераздельная триада», как наши Кукрыниксы.

Их талантливость общепризнана, за шесть лет своей остроумной, веселой работы они отлично доказали и непрерывность своего роста и

ценность своего творчества... Заканчивал Горький свое дружеское напутствие словами: «А затем я сердечно желаю им учиться и расти, расти и учиться. Они очень талантливы, делают хорошее дело и могут делать его гораздо лучше. Желаю их тройце еще более тесной дружбы, еще больше единодушия в работе».

Желание сделать гораздо лучше и заставило художников обратиться к творчеству Горького. Издательство «Советская литература», готовя к выпуску роман «Жизнь Клима Самгина», предложило Кукрыниксам проиллюстрировать его.

«Года полтора только этим и занимались, — вспоминают они в беседе с корреспондентом «Литературной газеты». — Сделали 50 рисунков, отправили их на суд Горького. Он в то время болел, однако нашел возможность познакомиться с рисунками и прислал два машинописных листа замечаний. Читали

— Нет толпы. Тонки веревки. Мало хоругвей. Надо показать мелко: толпу, колокол в воздухе на струнах веревки.

— У Лидии помело на голове. Причешите немножко. — Царь хорошо. Но не обходимы руки, поднятые в воздух, ведь шапки-то не сами собой взлетели.

— Дроны — годится. Гапон — слишком худ, аскетичен.

— Безбедова надо дать портрет. Куда смотрят люди, глядя будто бы на голубя? — Радение не удалось. Надо, чтобы я вам рассказал, как это бывает...

Почти половину рисунков исправили, половину сделали заново. Приезжаем на дачу к Горькому.

Посмотрел он: — Хорошо, хорошо. Ушли от карикатуры.

— Значит, можно печатать? — Ну, конечно, вальайте! — Говоря об иллюстрациях в книге «Мать», нельзя снача-

чала не вспомнить серию работ художников к истории рабочего движения в России. Готовя пастель «Суд над соромскими рабочими», Кукрыниксы написали П. А. Заломову (который был прототипом Павла Власова) и вскоре получили ответ (фрагменты из письма П. А. Заломова опубликованы впервые):

— Нас судили судом ересьных представителей, и суд был закрыт... Защита была организована Алексеем Максимовичем Горьким, которому адвокаты передали и проект моей речи...

С Алексеем Максимовичем Горьким я встретился впервые в 1905 году в Куоккале, после своего побега из ссылки. Я жил некоторое время на даче Алексея Максимовича, и он расспрашивал меня о моей жизни, о моем отце, о моей матери.

По моим рассказам Алексей Максимович составил записки, которые и послужили материалом для его повести «Мать»...

Интересно привести здесь малоизвестное письмо Кукрыниксам замечательного русского художника Александра Бенуа. Вот что говорил 88-летний мастер (письмо датировано 2 мая 1958 года):

— ...Читая роман Горького, под как бы Ваши «руководство» (ведь в этом «руководстве» как бы самая цель иллюстраций) я получил большое, глубокое наслаждение, так как и образы, и события, и обстановка, и пейзаж благодаря Вашему таланту и проинформированному знанию быта (и всей эпохи, — эпохи моей юности) восстали передо мной с исключительной яркостью. Лично мне плохо известен быт нашего купечества, знал я его не столько по опыту, сколько по литературе и театру и по картинам. Сколько мне дал один «Приезд губернатора» Перова! Ну, а тут я вошел в тесный контакт со всеми действующими лицами, и все они предстали передо мною как живые и если не пленили своими качествами, то в высшей степени заинтересовали, а где нужно и взволновали. Эти иллюстрации, пожалуй, Ваш ШЕДЕВР и честь Вам и слава.

пользовано художниками в их работе над оформлением «Матери». Работе очень трудоемкой и кропотливой. Достаточно сказать только, что было сделано девятьсот вариантов одного портрета Ниловы...

Наконец, «Фоме Гордееву». Кукрыниксы сами выбрали эту книгу для иллюстрации.

— Почему? — говорят они. — Волгу хорошо знаем. Куприянов там родился. Соколов жил несколько лет. Крылов часто приезжал. Тогда еще существовала «горьковская» атмосфера, сохранились старинные ряды, лабазы, торговые постройки. Нам казалось, что именно здесь должны жить герои «Фомы Гордеева».

— Когда работали над рисунками, мысленно вспоминали Горького. Думали: что бы он сказал про тот или иной персонаж, отметил бы найденой деталь, похвалил бы созданным образом!